

В. М. Дианова

Культура: эволюция через трансформации¹

Рассматриваются сложившиеся в истории культурфилософского знания трактовки эволюции культуры. Показывается продуктивность синергетического подхода для понимания трансформаций в культуре. Приводится опыт формирования теории трансформации в отечественной социологии. Аргументируется продуктивность использования концепта социокультурной трансформации.

Ключевые слова: западная гуманитарная мысль, российские исследования, культура, кризис, синергетика, междисциплинарное знание

Valentina M. Dianova

Evolution of culture through transformation

Various interpretations of cultural evolution, which can be found in the theoretical studies of philosophy of culture are investigated. The productivity of synergetic approach for cultural transformations understanding is shown. Russian sociologists' experience of establishing transformation theory is considered. The usage of sociocultural transformation concept has proved to be efficient is argued.

Keywords: Western humanitarian thought, Russian researchs, culture, crisis, synergy, interdisciplinary knowledge

История культурологического знания свидетельствует, что гуманитарная западная мысль XVIII в. ориентировалась, по преимуществу, на описание стабильных состояний в культуре и обществе. В ходу были понятия близкие тому, что сегодня мы называем локальной/национальной/этнической культурой, подкрепивалось культурное многообразие, и обсуждалась проблема культурных заимствований. Среди ярких представителей, стоящих у истоков такого подхода, можно назвать И. Г. Гердера, предпринявшего грандиозный замысел описать все многообразие народов, существующих на Земле, замысел, не получивший своего завершения. Выводя своеобразие народов и формирующейся культуры из непосредственной зависимости от географического положения, климата, ландшафта и обусловленных этим способов жизнедеятельности человека, он обратил внимание на соответствие им чувственной природы человека, формирующейся как следствие этих предпосылок. Образ жизни народа формирует его потребности, воображение, фантазию, привычки, традиции и в целом культуру, поэтому она столь разнообразна. Отсюда и возникают проблемы взаимопонимания: «Европеец не имеет ни малейшего представления о тех бурных страстях, о тех миражах, что кипят в груди негра, а индийцу чуждо то беспокойство, что заставляет европейца метаться по всему свету, бороздя его из конца в конец»². Обосновывая своеобразие народов, Гердер касался вопроса так называемых векторов развития человечества, подходя к этому масштабно: «Колесо творений вращается, но не прибавляет ничего нового, оно строит и разрушает в заданных генезисом рамках, в какие замкнула

его первая эпоха, эпоха творения», «у кругооборота, у которого было начало, непременно будет и конец»³. Оценивая эти воззрения, сегодня мы бы отнесли их к циклическим измерениям истории человечества, предтечей которых в европейской гуманитарной традиции можно считать Дж. Вико⁴.

В XIX в. и далее были задействованы понятия, относящиеся к характеристикам поступательного развития культуры: эволюция, прогресс, развитие, модернизация, культурная динамика. Перечисленные понятия не тождественны друг другу, некоторые из них имеют неоднозначную трактовку. Острые споры возникали в оценках характера эволюции (линейная, многолинейная, интегративная). Один из защитников эволюционного подхода Л. Уайт, обороняясь от нападок так называемых антиэволюционистов (Ф. Боаса и наиболее видных учеников его школы: А. Гольденвейзера, М. Херсковича, М. Мид и др.), писал, что они выставляют эволюционистов в неверном свете. По их представлению, эволюционисты отождествляют эволюцию с прогрессом, и прогресс, в интерпретации эволюционистов, неизбежен. Защищая правомерность эволюционистского подхода к культуре и идеи его представителей – Спенсера, Тайлора, Моргана, Дарвина – Лесли Уайт объясняет: «Они не отождествляли эволюцию с прогрессом. Они не считали, что прогресс неизбежен. И они признавали регресс»⁵. Он же обращает внимание на неоднозначность трактовки понятия «прогресс»: одна из них «может означать не более чем развитие процесса, чье движение происходит по принципу, отличному от простой случайности»; но может означать также «продвижение к „лучшему“, „более высокому“ или

„более низкому“ состоянию»⁶. Отстаивая правомерность эволюционного подхода, Л. Уайт все же придавал эволюции векторные характеристики, будучи убежденным в том, что «вне эволюционного принципа история культуры может оказаться не чем иным, как хаотическим беспорядком, бессистемной мешаниной, каковую в ней и видят некоторые адепты группы Боаса»⁷. Эта определенность в отношении векторов развития культуры, наличия оценочной составляющей не была всегда очевидной и потому неоднократно становилась полем продолжающихся дискуссий. В этой связи заметим, что подобно тому, как Л. Уайт признавал необходимость выявления значения понятия «прогресс», с той же необходимостью следует выявить коннотации понятия «эволюция», о чем речь впереди.

На протяжении нескольких столетий в западной культуре эволюция/развитие культуры трактовалось как кумулятивный процесс, реализации которого способствовали все государственные составляющие: политика, экономика, разнообразные социальные институты. Стремительное накопление знания, развитие науки и совершенствование техники – все это стало опорой и поддержкой концепта прогрессивного развития человечества, освобождению его в мировом масштабе. Трактовки «мирного» развития культуры порой усиливались радикальными идеями, призывающими к революционным изменениям, необходимости которых обосновывалась, как правило, не логикой развития культуры или же складывающимися реалиями, а потребностями социума, вызванными стремлением к реализации некоей идеи, к примеру – построением пролетарского государства. Не только сформировавшееся понятие «культурная революция» свидетельствует о радикальных проектах, но и некоторые художественные течения оказались радикально настроенными по отношению к предшествующему художественному наследию и культурным традициям. Одни из них формировались с учетом технических и научных достижений в Европе, возможностью их внедрения в процесс создания новой культуры, другие питались идеологическими доктринами. При всем разнообразии роднит их отказ от прошлого. Художественные практики и манифесты впоследствии были обозначены как художественный авангард. Не вдаваясь в дискуссии прошлых лет, сошлемся на оценку этого явления в культуре, сделанную Умберто Эко: «„Долой лунный свет“ – футуристический лозунг – типичная программа любого авангарда; надо только заменить „лунный свет“ любыми другими подходящими словесными блоками. Авангард разрушает, реформирует прошлое»⁸.

Со временем обнажилась явная несовместимость многих концептуальных построений и исторических реалий, что лишь подтвердило воз-

можность разнонаправленных и неравновесных потоков в культуре и обществе (будь то сфера искусства, образования, этики, науки или политики).

Предельно упрощая характер эволюции мировой истории и культуры, отметим, что впоследствии были востребованы понятия: возвратное движение, повторение, деконструкция, анамнез, плюрализм, цикл, подъем и спад, повышательная и понижательная волна, циклическая динамика, вторичная модернизация и др. Весомое обоснование соответствующей терминологии и методологии исследования периодов нелинейного развития было осуществлено российским экономистом Н. Кондратьевым. Некоторые положения его теории были востребованы Ф. Броделем, И. Валлерстайном и многими другими западными мыслителями для объяснения истории мирового развития, детерминированного экономическими характеристиками. В работах этих авторов можно найти ценные наблюдения о том, что карты культурные не совпадают с картами экономическими, что линейные измерения культуры канули в Лету и на повестке дня – нелинейные измерения. История свидетельствует о множестве причудливых траекторий культуры, когда при экономических спадах культура достигала необычайного уровня и позитивных результатов, подключаясь к реализации общей идеи, реализуемой социальным множеством (поскольку являлась элементом системы, выполняющей в ней соответствующую функцию), или напротив, абстрагируясь от нее. Сравнивая степень развития экономики и культуры, можно заметить следующее: во время экономических спадов культура ведет себя самым странным образом, она (как и государство) энергично вмешивается в жизнь во время происходящих долгих спадов. Порой культуре удается сделать то, что не удается обществу. Речь идет о том, что одно из призваний культуры, как пишет Ф. Бродель, «затыкать» пустоты и бреши всего социального множества, под которым он понимает некую систему, включающую в себя, помимо культуры, экономику, политику и социальную иерархию⁹. Хочется дополнить в этом случае Ф. Броделя: случаются и внесистемные социальные и культурные движения, результаты деятельности которых не вписываются в систему и кардинальным образом отличаются от наличествующих в ней институций. Собственно он сам упоминает о случайностях, нарушениях и искажениях, которые могут ознаменовывать начало спада системы.

В свое время А. Кребер, анализируя периоды взлетов и падений в культуре и выявляя различные формы или модели культурного развития, отмечал их недолговечность, признавая, что не ясно, какой именно фактор способствует развитию. Возможно, это нечто, что заключено в самой конституции человеческой души, предполагал он. Описывая раз-

нообразии моделей (форм) отдельных культур, он отмечал, что в их развитии и упадке не видит признаков какого-либо закона в истинном смысле – ничего циклического, регулярно повторяющегося или необходимого. К формам (моделям) культуры он относил философию, науку, искусство во всем разнообразии его видов, анализируя их в контексте национально-государственной принадлежности, в сегодняшней терминологии мы сказали бы в соотношении с геокulturой. Отсюда такое многообразие национальных моделей или культурных форм. Анализируя эту тему, он использовал при характеристике становления моделей такие понятия: модели высокого качества, потенциальные возможности модели, волны развития модели, упадок роста модели, временное затишье, умирание модели, слабые повторения модели, конец модели, новые модели и др. Во всех перечисленных понятиях присутствуют векторные характеристики и оценочный момент. При этом у А. Кребера нет ответа на вопрос, в силу каких причин (внутренних или внешних) изменяются модели, он лишь пишет о разнообразии культурных форм, их возникновении, росте и культурной смерти или же о вытеснении другими культурными формами, о том, что заявлено в названии его книги: о конфигурации культурных форм¹⁰.

Пожалуй, предшественником А. Кребера в постановке тематики смены и разнообразия культурных форм можно назвать Г. Зиммеля. Будучи представителем философии жизни, Г. Зиммель трактовал жизнь как создающую творческую стихию и очень поэтично писал о «беспокойном ритме жизни, приливах и отливах, ее постоянном обновлении, неизменном расщеплении и воссоединении», результатом чего становится создание известных явлений, которые «принимают в себя набегающие волны жизненной стихии, придавая им содержание и форму, порядок и предоставляя им известный простор»¹¹. Под культурой Г. Зиммель понимал множество форм: общественное устройство, художественные произведения, религии, научные познания, техника, гражданские законы и много другое. Он исходил из того, что жизнь не может проявить себя иначе, как в создании форм культуры; но через некоторое время формы, в которых облачена жизнь, начинают препятствовать выражению жизни и потому неизбежно должны быть разрушены с тем, чтобы дать жизни выразить себя в новых формах. Выражая себя, жизнь вновь создает иные культурные формы и опять тем самым ограничивает свое проявление, и так без конца. Г. Зиммель излагал эту тему в русле гегелевской философии, полагая, что дух творит нечто независимо-объективное, что все формы творятся из самой жизни. Главная его мысль сводилась к следующему: «Между текущей вперед, распространяющейся со все большей энергией

жизнью и застывшими в тождестве формами ее исторического выражения неизбежен конфликт. Он проходит через всю историю культуры, хотя зачастую остается неявным»¹². Если мы расширим понятие жизни и уйдем от ее трактовки «как источника творящей формы для своего воплощения» (согласно Г. Зиммелю), но будем понимать жизнь как меняющуюся реальность под влиянием комплекса явных или неявных причин, то эта мысль Г. Зиммеля – о неизбежности конфликта, проходящего сквозь всю историю культуры, окажется чрезвычайно востребованной в текущий период. Именно в наши дни необычайно ярко обнажился конфликт между сложившимися традиционными культурными формами и новыми культурными практиками, возникшими в новых социальных реалиях, явившимися следствием глобализационных, геополитических, миграционных и других процессов. В этой связи актуальным становится формирование нового видения, с неизбежностью принимающего кардинальные изменения в культуре, подчас лишённые явной аргументации и причинной детерминации. Сменившаяся парадигма видения развития человечества и культуры отличается тем, что некоторые процессы в природе, обществе и культуре допускают описание с помощью детерминированных уравнений (согласно существующему уровню знаний), другие требуют привлечения вероятностных соображений. Вкупе с признанием множественности нашей Вселенной и сложности окружающего мира, вероятностный элемент стал необходимой составляющей в объяснении эволюции культуры.

О динамике культуры, посредством замены одних фундаментальных культурных форм другими, писал П. А. Сорокин. Новые культурные формы появляются в период кризиса, в ходе которого проявляются созидательные силы и вновь наступает этап обновления культуры. Многие мысли П. А. Сорокина могут быть истолкованы в русле междисциплинарного направления науки, изучающем процессы в сложных неравновесных системах, получившем название синергетика. Переходный период или кризис в культуре, характеризующийся ситуацией нестабильности, ломкой традиционных стереотипов, нивелировкой общепринятых ценностей и идеалов, разупорядоченностью и неустойчивостью, может быть назван особой точкой или точкой бифуркации. В этой ситуации принципиально невозможно предсказать, в каком направлении будет происходить дальнейшее развитие: станет ли состояние системы хаотическим или она перейдет на новый, более дифференцированный и более высокий уровень упорядоченности, поскольку культура представляет собой открытую макросистему. Эта неопределенность и вероятностная составляющая в динамике культуры отмечены П. А. Сорокиным,

как и то, что небольшие флуктуации могут вызвать значительные изменения в сложившихся макросистемах, способствовать формированию уникальных и специфических культурных форм.

По мнению авторов синергетического подхода, термин «трансформация» выражает переход к качественно новой организации системы (физической, химической, биологической, экологической, социальной и др.), осуществляющийся как результат нарастания удельного веса неравновесных и нелинейных отношений со своим окружением¹³. Неравновесность, понятая как поток вещества или энергии, может быть источником порядка. И хотя в изложении своих воззрений И. Стенгерс и И. Пригожин оперируют преимущественно терминологией, которую нельзя отнести к гуманитарному знанию, в предисловии к английскому изданию книги «Порядок из хаоса» они подчеркивают, что одна из главных тем их совместной книги – сильное взаимодействие проблем, относящихся к культуре как целому. Для понимания культуры и ее многообразия очень важны высказанные ими мысли: лишь в неравновесной системе могут иметь место уникальные события и флуктуации, способствующие этим событиям; благодаря расширению масштабов системы, повышению ее чувствительности к внешнему миру возникает историческая перспектива, т. е. возможность появления других, быть может, более совершенных форм организации. Имеются поистине удивительные примеры фактов, которые не принимались во внимание только потому, что культурный климат не был подготовлен к включению их в самосогласованную схему, отмечал И. Пригожин. В то же время он считал, что начинает складываться более общее понимание науки и знания, понимание, отвечающее культурным традициям не только западной цивилизации. Происходящие в мире изменения политической и государственной систем, обновление экономических основ, перемена духовно-культурных ориентиров в обществе – эти ключевые показатели общественного развития – следствие трансформационных процессов.

Обоснование переходности современной эпохи и сложившейся ситуации неопределенности можно найти в трудах не только уже упомянутых авторов, но и в описании развития современной мир-системы, проделанном И. Валлерстайном. Согласно его воззрениям, подходит к своему завершению период просуществовавшей несколько столетий мир-системы, а контуры будущей – не ясны. Грядущий мир может быть лучше, но может быть и хуже, пишет И. Валлерстайн¹⁴. Но не так важно искать подтверждение происходящих в мире перемен в известных теориях, поскольку они лишь отражают происходящее, а катастрофические изменения – очевидны и нарастают как снежный

ком. Вместе с тем причины, вызывающие социокультурные трансформации в каждом отдельном историческом периоде, конкретны, их осознание и изучение необходимо, поскольку проясняет суть генезиса культуры и позволяет принимать решения, благоприятствующие устранению негативных последствий трансформаций.

Кратко представленное здесь описание становления концепта «трансформация», трактуемого в качестве безусловной составляющей эволюции культуры, неизбежно должно быть дополнено исторической компонентой. В период относительной стабильности империй и цивилизаций социокультурные трансформации незначительны, носят локальный и подчас управляемый характер, однако в период распада империй и цивилизаций, тем более сложившейся мир-системы, трансформации приобретают глобальный характер, затрагивая экономику, политику, религию, право, культуру и осуществляются на личном либо общественном уровнях. Отличительные особенности термина трансформация – отсутствие оценочной составляющей и векторных характеристик. Возможно, поэтому он оказался более емким в сравнении с используемыми ранее, преимущественно в экономической сфере: инновационное развитие, догоняющая модернизация, ускоренное развитие и пр. Применение его многообразно: предметом исследования оказываются трансформации в сфере системы образования, жилищного кодекса, медицинского обеспечения, способов идентичности, религиозного сознания, культурных практик, коммуникативных стратегий и пр. Важной характеристикой любого концепта является множественность, подтверждением чему оказывается всеохватывающий диапазон трансформаций в современном мире.

В конце XX в. Россия вновь вступила в эпоху крутых перемен. Стал очевиден факт всеобъемлющего кризиса советского, а с ним и российского общества. Не осталось ни одной сферы общественной жизни, в которой не наблюдалось бы его разрушительное действие. Осмысляя эти процессы, российские ученые разрабатывали концепцию трансформации российского общества¹⁵. Это коснулось, прежде всего, социологического знания, где социальная трансформация понималась как радикальное и относительно быстрое изменение социальной природы общества. Несколько шире, как комплексное эволюционное преобразование, охватывающее не только общество, но и культуру, была представлена социокультурная трансформация в работах Н. И. Лапина. Н. И. Лапиным было предложено различать два типа социокультурных трансформаций, в которых соответственно осуществлялась традиционализация (возникновение и институционализация традиций, других элементов культуры и социальной структуры, которые обе-

спечивают приоритет предписанных норм и правил поведения субъектов (традиционных действий) по сравнению с возможностями их инновационных действий); либо либерализация (расширение свободы выбора и ответственности субъектов, увеличение возможностей для инновационных целерациональных действий путем дифференциации структуры общества, возникновения и включения в нее новых интегрирующих элементов)¹⁶.

В начале XXI в. в России шла речь о таком типе трансформации, посредством которой осуществляется переход от традиционалистского типа антропосоциетального¹⁷ соответствия к либеральному соответствию и достижению баланса между индивидом и социумом как показателем относительной завершенности переживаемой стадии социокультурной трансформации. Однако события геополитического характера и реакция на них по всем срезах общества и индивидуального сознания кардинальным образом повлияли на избранный путь преобразований в культуре и обществе и привели к переориентации на иной путь социокультурных трансформаций: традиционализацию. Понятно, что трансформация в разных сферах культуры и общества происходит неравномерно. Любой из избранных путей – это не столбовая дорога, а борьба противоположных тенденций. Либерализация противостоит традиционализации. Пройти по избранному пути предстоит нескольким поколениям, прежде чем он станет приемлемым для жизни. Однако выбор пути с неизбежностью должен быть соотнесен с общей столбовой дорогой человечества, если таковая прописывается. Тогда будет понятным, идти России вместе с другими или предстоит двигаться против течения, в обратную сторону. Главным отличительным признаком российских трансформаций от западных считается то, что здесь они не стабильны, близки к состоянию «динамического хаоса», что волне допускает эвристическую компоненту при переходе к относительной стабильности.

В заключение всего изложенного заметим, что термины и складывающиеся концепты не только стремятся уловить смысловую характеристику происходящих явлений, но самим фактом своего существования способствуют определенному ракурсу видения, участвуют в формировании мировоззрения, вселяют определенность или же повергают в неизвестность, в невозможность дать адекватную оценку событиям, тем самым усиливая невнятицу. Это относится к рассматриваемому здесь концепту социокультурной трансформации, востребованному при анализе происходящих в мире перемен в целом, а также при анализе социокультурных изменений, происходящих в отдельных странах, что свидетельствует о том, что мы живем в эпоху острых социальных вызовов, неопределенности и ответственности за принимаемые решения.

Примечания

¹ При финансовой поддержке гранта РФФИ, проект 15–33–01018.

² Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества / пер. с нем. А. В. Михайлова. 2-е изд. М.; СПб., 2013. С. 237.

³ Там же. С. 296.

⁴ См.: Дианова В. М. Концепция циклического развития культуры Дж. Вико и ее последователи // *Studia Culturae*. 2002. № 2. С. 43–57.

⁵ Уайт Л. Стадии эволюции, прогресс и оценка культур // Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры. М.: Росспэн, 2004. С. 537.

⁶ Там же. С. 539.

⁷ Уайт Л. Теория эволюции в культурной антропологии // Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры. С. 550.

⁸ Эко У. Заметки на полях «Имени розы». СПб., 2003. С. 77.

⁹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. / пер. с фр. Л. Е. Куббеля. 2-е изд. М.: Весь мир, 2007. Т. 3: Время мира. С. 69.

¹⁰ Кребер А. Л. Конфигурации культурного роста // Кребер А. Л. Природа культуры: избранное. М., 2004. С. 703.

¹¹ Зиммель Г. Конфликт современной культуры // Зиммель Г. Избранное. М.: Юрист, 1996. Т. 1: Философия культуры. С. 494.

¹² Зиммель Г. Изменение форм культуры // Там же. С. 483.

¹³ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича, Ю. В. Сачкова. М.: Прогресс, 1986. С. 181.

¹⁴ См.: Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. с англ. П. М. Кудюкина; под общ. ред. Б. Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университет. кн., 2001. 416 с. URL: <http://socioline.ru> (дата обращения 17.05.2016).

¹⁵ Ядов В. А. Россия как трансформирующееся общество: резюме многолетней дискуссии социологов // *Общество и экономика*. 1999. № 10/11. С. 65–72; Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества. М., 2003; Заславская Т. И., Ядов В. А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // *Социология и общество: пути взаимодействия: материалы пленар. заседания: сборник / под ред. Г. В. Осипова, М. К. Горшкова*. 2010. С. 91–107; Ядов В. А. Трансформация постсоветских обществ: что более значимо – исторически традиционное или недавнее прошлое // *Социол. исслед.* 2014. № 7 (363). С. 47–50.

¹⁶ Лапин Н. И. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций // *Мир России*. 2000. № 3. С. 9; Его же. Социокультурная трансформация России: либерализация versus традиционализация // *Журн. социологии и социал. антропологии*. 2000. Т. 3, № 3. С. 32–39.

¹⁷ Особенность антропосоциетального подхода состоит в том, что он рассматривает действующих/взаимодействующих индивидов в явной взаимосвязи с социокультурной (социетальной) системой, поскольку именно они ее создают, обеспечивают непрерывное ее воспроизводство и изменение.